

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ (1981 г.) И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Б. Я. Табачников

*Воронежский областной институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования*

Поступила в редакцию 27 июля 2011 г.

Аннотация: статья посвящена анализу политической ситуации в Польше в конце 70-х – начале 80-х гг. XX столетия. Автор стремится к выявлению причины введения в стране военного положения в декабре 1981 г., приведшего через некоторое время к демонтажу социалистических установлений в Польше и других государствах Варшавского договора.

Ключевые слова: профсоюз «Солидарность», политический кризис, военное положение, Польша.

Abstract: the article analyzes the political situation in Poland in the late 1970th and 80th. The author seeks to identify the reasons behind the imposition of martial law in the country in December of 1981, the event which over time has led to the dismantling of the socialist establishment in Poland and other Warsaw Pact countries.

Key words: «Solidarity» trade union, political crisis, martial law, Poland.

...Люди сами творят свою историю...
в тех обстоятельствах, в которых они оказались.

Карл Маркс

...Потомки должны судить о людях мерками времени и
обстоятельств, в которых им пришлось жить и работать.

Наполеон Бонапарт

...Все примирения основаны на усталости.

Анатоль Франс

Неумолимое время приближает нас к четвертьвековому юбилею революционных преобразований в центре Европы (1989 г.). Лавина событий, сколь решительных, столь и неотразимых, обрушила сложившиеся здесь за послевоенные десятилетия авторитарно-бюрократические режимы. Имевшие место процессы развивались с пугающей быстротой и отличались редкостной радикальностью результатов. Они вовлекли в свою орбиту Польшу и Венгрию, ГДР и Чехословакию, Болгарию и Румынию. Если же учесть, что Югославия также вступила в полосу революционных перемен, то нетрудно подсчитать, что в орбиту общественного обновления были вовлечены 7 стран с общим населением около 140 миллионов человек. Но политическое значение революций 1989 г. никак не может быть ограничено только рамками региона, смысл их несравненно шире.

Прежде всего бросается в глаза масштабность событий. Во-первых, они создали качественно новый

политический ландшафт в указанных странах; во-вторых, изменили расстановку сил на европейском континенте; в-третьих, заметно поколебали блоковую систему отношений, сложившихся на мировой арене; в-четвертых, выдвинули на повестку дня германский вопрос, который вскоре на удивление быстро был решен; в-пятых, оказали воздействие на перестроечные процессы в Советском Союзе; в-шестых, повлияли на состояние дел в коммунистическом движении, фактически обрушив его, и, наконец, практически отправили в историческое прошлое «мировой социализм» и «содружество социалистических стран». Все это дает нам основание поставить революции 1989 г. в один ряд с крупнейшими событиями XX в. Они подвели черту под более чем 40-летним периодом монопольной власти коммунистических партий в этих странах, и оказали, как мы видим, глубокое влияние на дальнейшие судьбы Европы и всего мира.

Разумеется, предпосылки столь радикальных перемен не могли возникнуть неожиданно и одномоментно. Они вызревали годами, трансформируясь в массовые движения, которые, то наступая, то отступая, в конечном счете опрокинули несущие конструкции послевоенного социалистического уклада.

В предлагаемой читателю статье рассматриваются события в Польше на рубеже 70–80-х гг. XX в., которые привели к возникновению независимого профессионального объединения «Солидарность», к жесткому противостоянию этой, по преимуществу рабочей, организации с коммунистической властью

в лице функционировавшего в ту пору правительства и Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), введению в результате конфронтации между ними военного положения (декабрь 1981 г.) и ликвидации в конце 80-х гг. Польской народной республики, существовавшей чуть более 40 лет.

Начнем, однако, наше повествование не с Варшавы, а с Хельсинки, где в 1975 г. Запад фактически признал особую сферу влияния СССР в Восточной Европе и таким образом придал коммунистической власти в России дополнительную легитимность. Для Запада это был не простой шаг, он вызвал внутри блока шквал критики. Советское руководство на том Совещании по безопасности и международному сотрудничеству тоже пошло на опасный компромисс, согласившись впредь соблюдать общеевропейские ценности в гуманитарной сфере. Прежде всего это касалось прав человека, что повлекло за собой открытие шлюзов для правозащитного движения в СССР и других странах Восточной Европы. И сразу же в Польше (и других странах социализма) стали появляться политические организации, дистанцировавшиеся от коммунистов и от них абсолютно не зависимые. Так, например, огромное значение имел созданный в Варшаве в середине 70-х гг. известными общественными деятелями Адамом Михником и Яцеком Куроном Комитет защиты рабочих (КОР).

Летом 1976 г. по стране прокатилась очередная волна стачек, которая дала мощный толчок формированию блока, равного которому по силе не появилось ни в одной из восточноевропейских стран. К рабочим балтийского побережья стали присоединяться видные представители варшавской элиты, все глубже осознававшие необходимость осуществления серьезных перемен, а также краковская католическая интеллигенция, опиравшаяся на мощную поддержку Костела, никогда, даже в самые трудные годы, не терявшего авторитета в самых разных слоях польского общества. В стране вполне рельефно обозначился весьма опасный для власти тандем в лице рабочего класса и интеллигенции. Реформы, способные поднять авторитет власти, сдерживать нарастающее оппозиционное движение, а главное, ослабить социально-психологические предпосылки стихийного революционного экстремизма явно запаздывали. Уступки же власти, о которых мечтали еще вчера, воспринимались как недостаточные. Они не производили должного эффекта, не влияли на общественное мнение, все более единодушного в своем настроении: так жить нельзя!

В 1978 г. в Гданьске началась работа по созданию свободных профессиональных союзов, и уже очень скоро возник независимый профсоюз «Солидарность», который возглавил 37-летний электрик Гданьской судовой верфи Лех Валенса. Через некоторое время

этот сравнительно молодой человек не просто укрепил свою известность, но стал неформальным лидером страны, с мнением которого вынуждены были считаться как в партийно-правительственных кабинетах, так и в рабочих и интеллигентских кругах.

Сегодня, с высоты прожитых лет, многим кажется, что ведомая «Солидарностью» Польша быстро двигалась в сторону демократии и рынка, но движение это было искусственно прервано военным переворотом декабря 1981 г. Именно эту версию событий четвертьвековой давности предлагают нынешней Польше правые силы, затеявшие в 2008 г. от имени и по поручению Института национальной памяти постыдный судебный процесс над генералом Войцехом Ярузельским и его соратниками. Суть обвинения, предъявленного по версии Прокуратуры ИНП «преступной вооруженной группе», как раз и заключается в том, что введение военного положения 13 декабря 1981 г. насильственно прервало движение страны к свободе, социальному прогрессу и экономическому процветанию в сообществе западноевропейских демократий. На самом деле историческая ситуация была куда более сложной и противоречивой.

Заметим, что современный народ, в отличие от племени, представляет собой плюралистическую общность, объединенную культурой, историей, ментальными характеристиками, но вбирающую в себя неодинаковые мировоззренческие ценности, непохожее миропонимание, различные варианты исторической памяти. Польское общество в целом никогда не принимало точку зрения, по которой в 1945 г. немецкая оккупация сменилась советской. В противном случае большинство поляков должно было принять обвинение в коллаборационизме по отношению к нелегальной и по сути оккупационной власти. Да, граждане Польши хорошо понимали ограниченность суверенитета страны, но после горячих событий осени 1956 г., когда удалось разжать жесткий сталинский обруч, трактовали Польшу как свое народное государство. В социалистическом лагере, одетом в первые послевоенные годы в шинель СССР-го покроя, это была наиболее свободная страна, отстаивавшая религиозную и культурную свободу, личные права граждан, утвердившая толерантность как непреходящую ценность и норму жизни. Именно благодаря этому «Солидарность» сумела во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XX столетия сплотить вокруг себя огромное количество поляков, причем очень многие из них вовсе не жаждали гибели социализма, который принес на польские земли немало воистину исторических завоеваний – ликвидацию безработицы и перенаселенности деревни, индустриализацию и всеобщую грамотность, подъем культуры и искусства, лучшие образцы которого стали известны всему миру.

Между тем в последней трети XX в. речь шла уже о других достижениях и другом качестве жизни. Очевидное экономическое и технологическое отставание от стран Западной Европы, невысокий жизненный уровень большинства населения, неспособность освоить и поставить себе на службу достижения научно-технической революции делали реальной перспективу превращения страны в государство второго или даже третьего ряда. Это побуждало здоровые, адекватно мыслящие силы на всех уровнях польского общества к действию, к стремлению как можно скорее приступить к экономическим и политическим реформам.

В Польше, впрочем, как и в остальных странах социализма, назревала революционная ситуация особого рода. Ее отличительной чертой было отсутствие политического механизма, способного не просто уловить, но и действительно отреагировать на проявившийся внутренний конфликт. Авторитарно-бюрократический режим, лишенный обратной связи, не мог сколько-нибудь эффективно ответить на вполне очевидные общественные сдвиги. Реформы – экономические, политические, социальные – властно требовали проведения, но начало их постоянно откладывалось, поскольку с каждым днем нарастала волна забастовок и волнений.

Их своеобразным пиком стали августовские события 1980 г. в Гданьске, где забастовочный комитет провозгласил 21 требование, преимущественно серьезного экономического характера. Рабочие требовали поднятия уровня заработной платы, компенсационных выплат всем участникам за весь период забастовок, индексации заработной платы в соответствии с ростом инфляции, полного обеспечения внутреннего рынка продуктами питания и т.п. Даже частичное удовлетворение этих требований привело к 25 % росту выплат, который сопровождался одновременно 18 % спадом производства продукции. Лавина пустых денег моментально опустошила рынок. Не хватало не только продуктов питания, но лекарств, средств гигиены, горючего. На полках магазинов оставался один укус.

«Солидарность», наступая на слабую коммунистическую власть, целенаправленно вела дело к дезорганизации и, в конечном счете, к экономическому коллапсу. Головной болью руководства страны стало требование нерабочих суббот. Выполнение его грозило обернуться существенными потерями. Однако многих деятелей «Солидарности», особенно на региональном уровне, это совершенно не беспокоило. Они считали: чем хуже – тем лучше. Даже Валенса в ноябре 1981 г. заметил: «Я стремлюсь погасить одну забастовку, но 10 других разгораются с новой силой» [1]. Поддержка обществом «Солидарности» свидетельствовала о том, что широкие социальные слои, и

прежде всего рабочий класс, не приемлют, более того, протестуют против форм и методов осуществления власти ПОРП. В основе этого протеста лежало тотальное отчуждение практически всех социальных групп (исключая правящий класс) от власти и ответственности (хотя последнее не было столь тотальным, как в СССР, если учесть особенности сельского хозяйства в Польше).

Так или иначе, единовластие коммунистов заканчивалось. На смену ему приходило партнерство с профессиональными союзами в качестве равноправного феномена политической системы. На заседании Политбюро ЦК ПОРП, состоявшемся 24 марта 1981 г., генерал В. Ярузельский, возглавлявший Правительство, утверждал, что «нужно использовать все варианты, сделать всё, чтобы конфликты, существующие между властью и «Солидарностью», разрешались мирным путем. Таково наше обязательство по отношению к собственному народу и мировому сообществу» [2]. И действительно, переговоры шли на всех уровнях и по всем азимутам, но сколько-нибудь удовлетворительного результата они не приносили. Обе политические силы, увы, не были готовы к сотрудничеству, к достижению конструктивных и действенных соглашений, которые исключали бы конфликты и социальную напряженность. Веры в порядочность, добрую волю, искренность друг друга было ничтожно мало, если она вообще существовала... Предстоял долгий путь и мучительное накопление горького опыта, чтобы в конце концов сесть за круглый стол и начать договариваться, поскольку к началу 80-х гг. возможности собственно авторитарно-бюрократической системы, похоже, были исчерпаны.

Между тем экономическая ситуация в стране становилась все безнадежнее, чему в немалой степени способствовала позиция руководства СССР. В те годы его отношение к Польше и ко всему, что там происходило, можно понять и оценить лишь в общем контексте отношений между Западом и Востоком, еще конкретнее, – в свете советско-американского противостояния.

В 80-е гг. XX в. отношения Восток–Запад после некоторой разрядки вновь обострились. 17 июля 1981 г. в Женеве провалом окончился первый раунд советско-американских переговоров по стратегическим вооружениям. В таком же тупике оказались переговоры в Вене представителей стран НАТО и Варшавского договора по вопросам сокращения вооружений в Европе. Президент США Р. Рейган занял непримиримую позицию. 2 октября 1981 г. в США было объявлено об ускорении работ по улучшению качества вооружений и, в частности, о появлении нейтронного оружия. Нервная реакция Кремля последовала незамедлительно. Снова повеяло ледяным ветром холодной войны.

В этот момент Польша стала своеобразным полигоном перекрещивающихся интересов великих держав. Оба гиганта не могли примириться с угрозой потери хотя бы частицы влияния в странах, жестко опекаемых ими на протяжении послевоенных десятилетий. На этом фоне действия «Солидарности», ее ярко выраженный антисоветизм, острая критика коммунистического всевластия грозили нарушить сложившийся баланс сил, поскольку и СССР, и США видели в Польше стремительно слабеющее звено восточного блока. Геронтократическое руководство СССР на разворачивающиеся в Польше события реагировало привычно – способом жесткого давления. Едва ли не на три четверти были сокращены поставки энергоносителей, никеля, алюминия, целлюлозы, хлопка. Дважды в 1981 г. в Варшаву приезжал Председатель Госплана СССР Н. Байбаков, требовавший от руководства наведения порядка в стране, без которого рассчитывать на полномасштабную помощь, а стало быть, и экономическое благополучие, было невозможно.

Особенно остро советское руководство ставило вопрос о нарастании антисоветской кампании, о воспитании в польской среде враждебности и ненависти к СССР, о попытках вырвать Польшу из социалистического содружества и уничтожить социализм в самой Польше. В Москве острое беспокойство вызывала перспектива ухудшения польско-советских отношений, невыполнение Польшей обязательств перед СССР и ослабление вследствие этого социалистического содружества. Кремль выражал уверенность в том, что польские власти всех уровней предпримут решительные шаги с целью прекращения злобной антисоветской пропаганды и вражеских выпадов. Все это было серьезно, поскольку аналогичная ситуация уже имела место в 1968 г. в Чехословакии. Однако, в отличие от Польши, советских войск в ту пору в Чехословакии не было.

Следует сказать, что напряженность нарастала и в отношениях с другими членами социалистического содружества. 2–4 июля 1981 г. генерал В. Ярузельский участвовал в совещании Совета экономической взаимопомощи, проходившем в Софии. Скрепя сердце, он вынужден был выслушивать упреки по поводу невыполнения Польшей кооперативных поставок и обязательств по кредитам, предоставленным ГДР. Лидеры социалистических стран апеллировали к общественному мнению своих народов, представители которых задавали непростой вопрос: «Почему мы должны помогать полякам, если они постоянно бастуют?» [2].

В этой ситуации в Варшаве в июне 1981 г. открылся Пленум ЦК ПОРП, предварявший IX Чрезвычайный съезд партии, намеченный на июль. Открывало пленум строгое письмо руководства КПСС к членам

Центрального комитета Польской объединенной рабочей партии. Документ этот был полон недовольства отсутствием принципиальной позиции руководителей ЦК ПОРП по отношению к «Солидарности». Жесткие упреки содержались в адрес Станислава Кани (Первый секретарь ЦК ПОРП) и Войцеха Ярузельского, возглавлявшего правительство, по поводу того, что они не борются с противниками социализма. Такая постановка вопроса означала, по сути, вотум недоверия, который «старший брат» объявлял руководству Польской объединенной рабочей партии и за этим, естественно, должны были последовать серьезные кадровые изменения.

Однако, как бы ни были остры противоречия внутри самой ПОРП, где непримиримо дискутировали между собой консерваторы и сторонники основательных и серьезных реформ, на смену руководства, завуалированно предложенную московскими товарищами, ни те ни другие не согласились. Кремль оказался на распутье. Само возникновение «Солидарности», ее громадная численность (10 миллионов) и активная деятельность были восприняты Москвой с удивлением и острым неприятием. Советские руководители никак не могли взять в толк, как в монолитном социалистическом сообществе мог появиться независимый и самостоятельный рабочий профсоюз, открыто и активно взбунтовавшийся против господства партии. В Москве для решения этой проблемы был создан так называемый кризисный штаб (1980 г.), чуть позже его стали именовать Польским клубом, в который вошло высшее руководство КПСС – Устинов, Русаков, Суслов, Андропов, Громыко и Горбачев. В заседаниях штаба участвовал Черненко.

В начале декабря 1980 г. мир облетела весть о том, что американские спутники обнаружили на территории Западной Украины и Белоруссии значительное скопление советских войск, вооружений, танковых колонн, готовых к вступлению на польскую землю. Скорее всего, это была акция устрашения, попытка психологического давления не только на руководство, но и на непокорную, всегда готовую к самопожертвованию и защите отечества нацию. Открывать еще один фронт (афганский к этому времени полыхал вовсю), в очередной раз попадать под определение «агрессор» и суровую тотальную критику мирового общественного мнения кремлевским ветеранам, чувствовавшим себя физически все слабее, смертельно не хотелось. Но и мириться с прецедентом, заметно ослаблявшим социалистическое содружество, недвусмысленно ставившим под вопрос руководящую роль партии, было опасно. Вот почему лучший выход виделся в решении вопроса собственно польскими силами, к чему и подталкивал Кремль товарищей из Варшавы, держа при этом на близлежащем «запасном пути» хорошо вооруженный «бронепоезд».

Между тем экономическое положение в Польше стремительно ухудшалось, жизнь людей становилась все труднее. В этой ситуации власть вынуждена была пойти на серьезные кадровые перемены, поскольку наряду с людьми компетентными, деловыми, ответственными на разных этажах управленческой иерархии было немало карьеристов и бюрократов, склонных к кумовству и коррупции. С сентября 1980 г. до апреля 1981 г. было отозвано с должностей 26 первых секретарей воеводских комитетов ПОРП, 7 руководителей отделов ЦК, 19 инспекторов ЦК, 13 министров, 40 вице-министров, 49 руководителей департаментов, 18 воевод, 26 вице-воевод. Часть этих людей была предана суду за злоупотребление служебным положением. Не обошлось без серьезных перестановок и отставок в Войске Польском.

В целом обстановка в стране в начале 80-х гг. XX в. характеризовалась следующими чертами:

- резким понижением материального уровня жизни основной массы польского населения;

- катастрофическим сокращением объемов производства вследствие беспрерывных забастовок, охвативших значительную часть промышленных и перерабатывающих предприятий, и в связи с крупными (до 75 %) недопоставками сырьевых ресурсов из СССР;

- заметным падением трудовой и бытовой этики, усилением апатии, равнодушия, ростом преступности и тюремных бунтов, анархизацией всего жизненного уклада;

- безуспешными попытками власти наладить эффективный переговорный процесс с «Солидарностью», ее политическими союзниками и Церковью;

- заметным ростом напряженности в отношениях с СССР и другими странами социалистического содружества (Чехословакия, ГДР), постоянной угрозой интервенции со стороны этих стран при заметной активизации Северной группы советских войск, дислоцированных в Польше;

- отсутствием сколько-нибудь действенной поддержки со стороны крупнейших стран Запада, не желавших нагнетания и без того опасной напряженности на линии Запад–Восток.

К середине 1981 г. в стране сложилось своеобразное двоевластие, некий, довольно хрупкий, баланс сил. «Солидарность» еще не могла взять власть, хотя некоторым ее лидерам, мыслившим поверхностно-упрощенно, это казалось делом нетрудным и вполне достижимым. С другой стороны, власть (правительство, сейм, партийные органы в центре и на местах) уже фактически ситуацию не контролировали, ограничиваясь бесплодными призывами к согласию и умиротворению. Ослабить влияние «Солидарности», нейтрализовать ее деструктивные усилия верхи явно были не в состоянии. На этом фоне лидеры «Соли-

дарности» не только стремительно утрачивали чувство реальности, но и приобретали, что было весьма заметно, негативные черты. Движение, по сути, превращалось в авторитарную структуру с ярко выраженным оттенком шовинизма. Лидеры его всеми силами избегали дискуссий, не принимали инакомыслия, не терпели критики. Сам «великий электрик», Лех Валенса все более стремился походить на вождя, стоящего на недостижимой высоте. Он, как и многие его коллеги и соратники, зачастую уже не мыслил политическими категориями, подменяя их мистикой. На авансцену политической жизни все чаще стали выходить люди малокомпетентные, жаждавшие при помощи радикальных лозунгов и нахрапистого поведения сделать карьеру.

Первый съезд «Солидарности» (лето 1981 г.) содержанием и тональностью выступлений его делегатов, демагогическими формулировками резолюций вполне определенно подрывал идею компромисса, игнорируя возможность любого соглашения с властью*.

На съезде были провозглашены независимость и полная самостоятельность профсоюзов. Умеренность, постепенность и осторожность, к которым призывал Костел, услышаны не были. Спираль радикализма раскручивалась стремительно, атмосфера тотального беспредела ощущалась все сильнее. Это было тем более опасно, что «Солидарность» имела практически свободный доступ к средствам массовой информации и весьма динамично влияла на формирование общественного мнения. Власть оказалась в глухой защите. «Солидарность» атаковала, покушаясь на конституционный порядок и компетенции государства.

Характерное событие произошло 24 февраля 1981 г. В этот день организация «Солидарности» района Мазовше с участием группы тракторного завода «Урсус» оккупировала Высшую пожарную школу в Варшаве, которая, ни много ни мало, являлась подразделением Министерства внутренних дел. Выглядело все это в высшей степени вызывающе, но власти на применение силы не пошли, пытаясь договориться с инициаторами захвата. И только после провала переговоров была применена сила.

Как правило, «Солидарность» стояла на позиции невозможности соглашения, поскольку была уверена, что власть доживает последние дни. Последний бой

* На любопытную особенность этого съезда обратил внимание В. Ярузельский, выступая перед судьями Окружного суда: «Съездом была избрана программная комиссия, в которой работало 13 тематических групп. И наибольшее количество делегатов записались в группы, готовившие резолюции антипартийного и антиправительственного характера. Желавших заняться вопросами заработной платы, прожиточного минимума, охраны труда нашлось совсем немного» [2].

Валенса планировал провести в апреле или мае 1982 г., а на 17 декабря лидеры профсоюза назначили масштабную манифестацию в Варшаве и еще нескольких крупных городах, которая, по мысли ее организаторов, должна была перерасти во всеобщую национальную забастовку.

Власть ответила эскалацией приготовлений к введению военного положения. Мирный путь к достижению сколько-нибудь внушающих оптимизм договоренностей не просматривался. И все же в ноябре 1981 г. была предпринята еще одна попытка достижения компромисса. Переговоры шли на самом высоком уровне. В них участвовали генерал Ярузельский (в начале 1981 г. он был избран Первым секретарем ЦК ПОРП), примас Польши кардинал Глемп и глава «Солидарности» Валенса, для последнего присутствие в столь элитарной компании само по себе было триумфом. Однако никакого результата переговоры не дали.

Ранним утром 13 декабря 1981 г. Ярузельский выступил по радио: «Отчизна над пропастью. В преддверьи массовых политических демонстраций в центре Варшавы нужно сказать: «Хватит». Мы не должны повторить декабрьскую трагедию 1970 г.» [3]. Он объявил, что, в соответствии с решением Сейма, на всей территории Польши вводится военное положение. Естественно, лидеры оппозиции, к этому времени потерявшие здравый смысл в своих непомерных притязаниях на власть, были отправлены в тюрьмы и лагеря. Спустя четверть века генерал оценил этот шаг, возможно, излишне пафосно, но очень точно: «Введение военного положения было глубоко осознанным, эмоционально прочувствованным сигналом, который диктовал нам историко-политический момент. Нельзя забывать, что в нашей польской ментальности, в наших генах жив еще культ восстания, жертвенных романтических порывов, апологии мученичества. Это прекрасная патриотическая черта. Бог за нас одержит победу! Пусть Польша знает, какие у нее сыновья. Вспомним, как накануне сентября 1939 г. поляки рвались в бой. А Варшавское восстание 1944 г., обреченное на поражение. Температура осени 1981 г. напоминала все эти исторические события. Политическое настроение и внутреннюю готовность к действию невозможно было в это время контролировать ни власти, ни «Солидарности», ни Костелу» [2].

После введения военного положения Ярузельский сформулировал главную цель всей политической линии. Заклучалась она не в том, чтобы свернуть экономические и социальные преобразования, но приостановить процесс массового обнищания, не допустить братоубийственной войны, уберечься от интервенции извне.

Объявление военного положения стало для польского общества настоящим шоком, но далеко не все осуждали акцию. Среди среднего и старшего поколения поляков было немало людей, которые в глубине души были даже довольны таким ходом событий. Можно было снова спокойно ходить по улицам, не испытывать едва ли не ежедневно нервных потрясений, мучительно не задумываться над тем, что же будет завтра. Не следует забывать, что польское общество было к этому времени изрядно измучено дороговизной, тотальными дефицитами, ростом преступности. Конечно, это не означает, что военное положение было принято нацией с энтузиазмом.

Не обошлось, увы, без жертв и злоупотреблений. Во время военного положения (13 декабря 1981 г. – 22 июля 1983 г.) погибли 9 шахтеров в шахте «Вуек», 3 человека – в Люблине в момент уличных беспорядков, по одному человеку погибло в Кракове, Гданьске и Вроцлаве, 1 миллионер погиб в Варшаве [4, р. 44]. И все-таки это было меньшее из зол, которые плотно обступили страну в то время. Сегодня совершенно очевидно, что военное положение уберегло Польшу от паралича важнейших государственных функций, от братоубийственного конфликта гражданской войны, от интервенций стран Варшавского договора, на чем горячо настаивали некоторые высокопоставленные военачальники Советского Союза и, как ни странно, политическое руководство и генералитет ГДР. Военное положение позволило Ярузельскому и его соратникам продолжить и даже углубить реформы. При этом он опирался на авторитет замечательно проявившей себя в этой ситуации армии – Войска Польского. Однако хоть в какой-то мере поднять популярность коммунистического режима не удалось.

Военное положение было снято в июле 1983 г. Эти полтора года не прошли бесследно. И власть, и оппозиция в течение этих горьких месяцев глубже осознали, что только эволюционным путем можно привести страну к историческим переменам, к демонтажу коммунистических установлений. Понятно стало и то, что без исторических сдвигов в СССР (на эти сдвиги, между прочим, существенно повлияли протестные события в Польше и 1956, и 1970, и 1980-х гг.) не удастся добиться положительных результатов в странах социалистического блока в целом.

К 1988 г. стало ясно, что для выхода из кризиса власти необходимо опереться на силы, обладающие действительно всенародной поддержкой. «Солидарность» и ее лидер Лех Валенса, которые какое-то время были в тени, вновь вышли на авансцену. Мандат на переговоры с властью Валенса получил в результате тонкого политического маневра. 16 декабря 1988 г. в одном из варшавских костелов он при актив-

ной помощи церковных иерархов создал Гражданский Комитет. Тем самым ему удалось сместить центр политической оппозиции от «Солидарности», которая доминировала на Балтийском побережье, к Гражданскому Комитету, укорененному в Варшаве. Члены этого Комитета сыграли решающую роль в событиях последующего двадцатилетия.

С февраля по апрель 1989 г. (года падения берлинской стены), в весьма конструктивном духе проходили заседания «круглого стола» (власть–церковь–оппозиция), на которых определен был макет будущего политического устройства Польши, основанного на признании принципов парламентской демократии, идейной и духовной толерантности гражданского общества. Эти переговоры позволили Польше мирным и бескровным способом выйти из глухого цивилизационного тупика, стать авторитетным в мире сообществом, а не просто географической частью Европы. Можно смело сказать, что участники переговоров выдержали перед историей труднейший экзамен.

Сегодня, спустя два с лишним десятилетия, введение военного положения и последовавшие за ним

события вновь становятся фактом актуальной политической борьбы. Бывшая еще недавно у власти партия «Право и Справедливость» (Ярослав Качиньский) хочет решительно зачеркнуть все, что связано с Польской Народной Республикой, объявляя ее историческим недоразумением. Недальновидность и антиисторизм таких интерпретаций мы попытались показать в данной статье, источниковой основой которой стали материалы судебного дела, возбужденного против 88-летнего генерала Войцеха Ярузельского в связи с введением в Польше в 1981 г. военного положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Standar Mlodych. – 1981. 1–3 maja.
2. *Yaruzelski W.* Wyjasnienia Gen. Wojciecha Yaruzelskiego zlozone pred Sadem OKregowym w Warszawie w dniach 25 wresnia, 2, 6, 14, 21 i 28 pazdernika, 2008 roku w procesie dotyczacym w prowadzenia stanu wojennego // Przegląd. – 2008. – № 46.
3. *Yaruzelski W.* Stan wojenny. Dlaczego? – Warszawa, 2002.
4. *Rakowski M. F.* Jak to sie stalo. – Warszawa, 1991.

Воронежский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Табачников Б. Я., кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и культуры

Тел.: 8(473) 235-20-15

Voronezh Regional Institute of Advanced Training and Retraining of Educators

Tabachnikov B. Ya., Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Philosophy and Culture

Tel.: 8(473) 235-20-15